

"КРИЗИС ГДЕ-ТО И ПАРАЛЛЕЛЬНО": ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА

Автор: Е. Л. ЛУКЬЯНОВА, Г. А. САБИРОВА

ЛУКЬЯНОВА Евгения Львовна - старший преподаватель Ульяновского государственного университета, заместитель директора ГУ УлГУ НИЦ "Регион" (E-mail: jenua_lukyanova@mail.ru). САБИРОВА Гюзель Ансаровна - кандидат социологических наук, заместитель директора того же центра, заместитель директора Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (СПб.) (E-mail: gsabirova@yahoo.com).

Аннотация. В фокусе статьи¹ - методологические вопросы изучения молодежи в условиях экономического спада или последствий влияния этого кризиса на молодых. Авторы критически анализируют различные индикаторы социально-экономического положения молодежи и подчеркивают преимущества жизненно-стилевого подхода в изучении молодежной повседневности, который позволяет определить те детерминанты повседневности, которые складываются и становятся значимыми в рамках биографического проекта и личностных предпочтений. Это, в свою очередь, помогает оценить силу влияния новых внешних обстоятельств (как, например, финансовый кризис), которые могут восприниматься индивидуально и иметь непредсказуемый эффект. Сложившиеся стилевые структуры трудового или образовательного поведения, потребительских предпочтений, отношения с родителями, участия в общественных активностях оказывают значительное влияние на то, каким образом вписываются обстоятельства финансового кризиса в жизнь молодых людей.

Ключевые слова: молодежь * экономический спад * жизненно-стилевой подход

Молодежь и экономический спад: исследовательская проблема. 2008 - 2009 годы ознаменовались ажиотажным обсуждением хода и последствий мирового финансового кризиса. Сегодня интонации дискуссий сменились, более осторожными стали оценки индикаторов кризиса: был ли он и в какой форме продолжается, на какие отрасли экономики или слои населения оказывает наибольшее влияние. Цель статьи: рассмотреть методологические вопросы изучения молодежи в условиях экономического спада или последствий влияния этого кризиса на молодых.

Мировые финансовые кризисы недавних лет оставили свой след в истории и повлекли за собой значительные социальные трансформации, в том числе и возникновение новых поколенческих черт. Среди основных методологических проблем

---

¹ Статья подготовлена по материалам проекта "Поколение R? Молодежь в условиях экономического кризиса в сравнительной европейской перспективе" (выполнен Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и НИЦ "Регион" УлГУ в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2009 году. Руководитель - д.с.н. Е. Л. Омельченко).

использования понятия *поколение* - вопросы границ, разделяющих поколения, критерии определения смысла каждого из них и поиск (идентификация) его имени, а также выявление/выделение события, определяющего дух эпохи, который проявляется в общих, коллективных поколенческих синдромах, приметах, которые могут быть фактически зафиксированы путем различного рода социологических замеров. Следует внимательно и осторожно употреблять понятие *поколение* в силу его метафоричности, поскольку яркие образы и их обыденные смыслы затрудняют перспективы строгого научного использования. Современный разговор усложняется скоростью социальных изменений, одновременным сосуществованием нескольких когорт, связь между которыми характеризуется соподчинениями разного уровня, новым характером взаимоотношений между прошлым, настоящим и будущим, когда включается переосмысление, переписывание истории в свете нового знания и опыта, а образы будущего меняются в связи с открытиями геномов и развитием новых репродуктивных технологий.

Как еще помимо поколенческого подхода можно подойти к теме молодежи и кризиса сегодня? Изучение того, как молодые люди переживают, адаптируются и "договариваются" с новыми условиями экономической рецессии дает исследователям уникальную возможность сравнить и противопоставить молодежные опыты, рассмотреть, как глобальные экономические условия в целом воздействуют на вступающих во взрослую жизнь.

О социальных последствиях кризиса. Специалисты всех ведущих социологических центров страны признают, что по своим последствиям последний кризис не так остро переживается населением, как дефолт 1998 г. Для большинства россиян 2008 - 2009 гг. сложились вполне удачно [Демидов, 2009], в то время как десять лет назад до половины участников различных опросов были недовольны своей жизнью. И хотя в августе 2008 г. многие полагали, что экономический спад будет весьма продолжительным, паника длилась недолго и индексы социального самочувствия начали расти уже в марте 2009 г. [Петухов, 2010]. Столь быстрые перемены вызвали разноречивые толкования. Для одних они стали примером хорошей приспособляемости россиян к трудным условиям, а для других свидетельствовали о переоценке угрозы рецессии.

Высказывалось и мнение о том, что характер текущего кризиса настолько не похож на тот, что случился в 1998 г., что вряд ли стоит использовать применявшиеся тогда методики исследования. За десять лет успела измениться не только экономика, но и общественное сознание. В частности, 1998 г. встречало молодое поколение, мечтавшее добиться сразу всего - карьеры, денег и славы. Не зря период 1990-х годов называют в социологии молодежи "революцией притязаний" [Шилова, Магун, 1998]. В противовес этому сегодняшние юноши и девушки больше стремятся к семейным ценностям в ущерб продвижению по службе и материальным интересам. Поэтому их порой называют "поколением стабильности" [Поколение..., 2008]. Более того, подчеркивается, что среди молодежи появились совершенно новые социальные группы, которых десять лет назад почти не было. Одну из таких групп составляют те, кого сейчас принято называть "госрезервом", - активисты "Молодой гвардии", "Наших" и других подобных общественных движений. На них приходится до 16% всей молодежи страны. Не менее весомая группа - "офисный планктон", выросшая до 20%. По сравнению с 1998 в два с лишним раза увеличилось число студентов вузов, среди которых преобладают обучающиеся на платной основе. Студенчество - это не только веселая пора, некоторые социологи окрестили этот период своеобразной "камерой хранения", которая позволяет отсрочить вхождение юношей и девушек в активную экономическую жизнь. Также современную молодежь относят к первому постсоветскому поколению, у которого сложились не только особые политические взгляды, но и потребительские практики. Она не застала пустых полок в магазинах, продуктовых талонов и "колбасных" поездов в столицу. Зато ей знакома проблема того, как сориентироваться в имеющемся изобилии. Шопинг стал рассматриваться как особая культурная практика, выполняющая важные социализирующие функции [Омельченко, 2008]. Но оказывается, что молодым близки не только идеи рыночной экономики,

но и антикапитализма, вокруг которых сегодня объединяются оппозиционные молодежные движения².

Влияет ли кризис на молодежь: проблема определения индикаторов. В исследованиях, посвященных анализу социальных последствий произошедшего кризиса, молодежи уделяется не так много внимания. Действительно, по всем показателям она не попадает в число самых уязвимых групп населения. Опросы констатируют обратную зависимость: чем моложе человек в России, тем лучше его материальное положение. К тому же считается, что молодым по силам использовать самые активные стратегии приспособления: осваивать новую профессию, находить дополнительные заработки, менять места жительства и т.п. Но о специфике реагирования молодежи на экономические проблемы трудно судить. Это происходит не только потому, что в сравнении с другими возрастными группами ее позиции выглядят лучше, но и потому, что традиционно используемые в исследованиях такого рода индикаторы не всегда подходят.

Так, часто рассматриваются различные аспекты трудового поведения. О негативном влиянии кризиса судят как по фактическому уровню безработицы, так и по доле тех, кто только опасается быть уволенным, отправленным в неоплачиваемый отпуск или переведенным на сокращенный график. Словом, ищутся возможные проявления нестабильности в плане занятости населения. Между тем известно, что *трудовые стратегии* молодежи и в докризисные времена не отличались постоянством [Омельченко, 2002]. Многие из юношей и девушек предпочитают откладывать начало своей трудовой деятельности до тех пор, пока не найдут достойного, на их взгляд, места. Но и те, кто принялся за работу, остаются открытыми новым предложениям.

С 2005 по 2008 г. НИЦ "Регион" проводил мониторинг "Общественные настроения и социально-экономическое положение молодежи Ульяновской области"³, показавший, что молодежи в целом свойственна высокая трудовая мобильность. Юноши и девушки не так держатся за место, как их родители. Ежегодно около 40% работающей молодежи собирались искать новую работу. Привычным для ульяновского рынка труда было и то, что далеко не все выпускники техникумов и вузов устраивались согласно полученной профессии. Около пятой части всех окончивших вузы вынуждены были соглашаться на места, не требующие высшего образования, в том числе 12% готовы были пойти на рабочие специальности. На этом фоне полученные Фондом "Общественное мнение" в сентябре-марте 2009 г. данные о том, что 17% российской молодежи ориентировано на любую работу, вовсе не выглядят таким уж бесспорным подтверждением воздействия кризиса [Бруснянина, 2009]. Поэтому в случае с молодежью сомнительно судить о ее положении на основании показателей вторичной занятости, увеличивающихся в сложные для экономики времена. Судя по результатам упоминавшегося мониторинга, значительная часть молодежи прибегала к дополнительным заработкам и до кризиса. 42% работающей молодежи Ульяновской области рассчитывали не только на зарплату по основному месту работы, но использовали и другие возможности для подработки.

О размахе кризиса судят и по *изменениям в потреблении*. При этом акцент делается на доступность продуктов питания и социальных услуг. Но у молодежи структура расходов иная, чем у взрослых. У нее преобладают траты, связанные с проведением досуга, а также покупки, относящиеся к сфере демонстративного потребления. Причем последнее касается не только ребят из обеспеченных, но и из бедных семей, которые стремятся найти способы не отставать от сверстников. **Исследования**

² Из неопубликованного отчета "Поколение R? Молодежь в условиях экономического спада в сравнительной перспективе". СПб., 2009.

³ Мониторинг "Общественных настроений и социально-экономического положения молодежи Ульяновской области" проводился среди 14 - 30-летних жителей региона по выборке, репрезентирующей территориальное, тендерное и образовательное распределение внутри данной группы населения. Главным методом мониторинга были опросы, в которых принимало участие от 1000 до 1200 человек в разные годы. Проект осуществлялся при поддержке Министерства молодежной политики Правительства Ульяновской области.

обнаруживают противоречивую ситуацию: с одной стороны, рост цен волнует молодых не меньше, чем взрослых, с другой стороны - утверждается, что они не намерены снижать свои потребительские запросы [Динамика..., 2009; Молодежь..., 2009]. Очень сложно сравнивать потребление молодежи с другими возрастными группами. Ее, за исключением выходцев из самых бедных слоев, не очень заботит, что родителям бывает трудно обеспечить семью продуктами питания. Зато юношей и девушек тревожит то, сколько будет стоить поход в ночной клуб или фитнес-центр, не повысят ли расценки за Интернет и мобильный телефон. Подобные расходы редко учитываются при проведении массовых опросов, рассчитанных на все население. К тому же молодежь оказывается изобретательна на альтернативные потребительские практики, например: вечеринки по обмену вещами, интернет-бархолки, покупки вещей вскладчину и дальнейшее их использование по очереди [Алябьева, 2009].

Немаловажным фактором является то, что *юноши и девушки, как правило, находятся вне сферы кредитования*, поскольку малосведущи в банковских делах и предпочитают откладывать наличные средства. Среди всех вкладчиков они являются одной из самых немногочисленных групп, возраст типичного вкладчика начинается с 35 лет [Дементьева, Алёшкина, 2009]. Неорганизованным сбережениям молодежи грозит разве что инфляция, подсчеты потерь по процентам и других финансовых убытков ей не подходят. Правда, *исследования* на региональном уровне заставляют беспокоиться о перспективах различных банковских программ, рассчитанных на подрастающее поколение. В частности, еще до наступления рецессии молодые ульяновцы настолько боялись крупных кредитов на покупку жилья, что воспользоваться ими собирались лишь считанные единицы.

Нередко при анализе последствий кризиса учитываются и *политические настроения*. Предполагается, что экономический спад должен спровоцировать рост социальной напряженности в обществе и вылиться в массовые протесты граждан. Но молодежь, как правило, мало интересуется вопросами "большой политики" и чаще всего затрудняется с ответами. Например, в ходе проведения мониторинга "Общественные настроения и социально-экономическое положение молодежи Ульяновской области" выяснилось, что среди юных ульяновцев не более 15% внимательно следят за событиями в стране, еще меньше (10%) бывают в курсе того, что происходит у них в регионе. Неудивительно, что при таком низком уровне заинтересованности юноши и девушки могут реально оценить действия лишь первых лиц страны и области, которые у всех и так "на слуху". А вот вопросы, связанные с удовлетворенностью работой конкретных органов власти, ставят многих в тупик. Вместе с тем нельзя сказать, что молодежь полностью аполитична: она находит иные формы выражения своих взглядов, нежели участие в выборах или на митингах [Омельченко, 2005].

Не только официальные, но и неформальные молодежные движения в нашей стране до самого последнего времени переживали настоящий подъем. Они обнаружили способность к гибкой реорганизации, легко перетекая из субкультур в политизированные группы и обратно. Внешняя политическая пассивность молодежи дает почву для многочисленных споров насчет того, насколько она лояльна к власти. За желанием большинства остаться в стороне от политики видятся новые стандарты поведения, основанные на индивидуализме. Поэтому считается, что в случае с молодым поколением нужно обращаться к анализу не политических установок, а ценностных ориентаций. До сих пор предполагалось, что в сложные экономические времена традиционный российский коллективизм должен быть тем ресурсом, который поможет их пережить. Но молодежный индивидуализм ассоциируется с такими качествами, как прагматизм, самостоятельность, нацеленность на личный успех, которые явно будут не лишними в период кризиса [Жарова, 2009]. Интересно, что эти же качества сегодня приписываются самой активной в политическом плане группе - сторонникам "Наших", "Молодой гвардии", "России молодой" и подобным движениям.

Молодежь об экономическом спаде: опыт исследования. Современная молодежь получается настолько непохожей на другие социальные группы, что требуются отдельные исследования, посвященные особенностям ее реагирования на происходящие в экономике события. Основную сложность вызывает выбор предмета таких исследований. Эта проблема обсуждалась нами в Центре молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге в ходе подготовки проекта "Поколение R". Молодежь и экономический спад в сравнительной европейской перспективе". Он начался с проведения фокус-групп в Казани, Санкт-Петербурге и Ульяновске. Всего было проведено 12 фокус-групп в сентябре 2009 г., в которых участвовали: студенты, безработные, "яппи", молодые родители, субкультурщики, "гопники", блоггеры, любители шопинга и т.п.

Общее восприятие кризиса. Оказалось, что практически для всех из них нынешние изменения в экономике представляются закономерным явлением и, с их точки зрения, эти изменения правильнее было бы назвать не кризисом, а переходом или перестройкой: *"Мы находимся в ситуации перестройки экономики. Сырьевой - на развитие своей промышленности. Медленно, но идем".* Для молодых этот спад служит обязательным условием дальнейшего развития: *"Есть кризис, но это такой переходный период. Я думаю, что как экономика и история они упираются. И есть прогресс, есть регресс, потом снова будет прогресс. Поэтому я выделяю такие моменты... развитие, оно сейчас, я считаю, идет".* Участники фокус-групп приводили немало примеров положительных сдвигов, которые произошли в их родном городе за 2008 - 2009 гг. Ребята подходят со своими мерками к оценке экономической ситуации. О ней молодежь судит по количеству торговых центров, их ассортименту, ведущимся новостройкам, частоте общегородских праздников, а вовсе не по зарплатам или уровню безработицы. Поэтому у многих создается ощущение, что кризиса у них в городе нет, а все его последствия переносятся в столицу, в какие-либо другие города вроде Тольятти или даже в Америку. Как выразился один из участников фокус-групп из Санкт-Петербурга: *"Кризис где-то и параллельно"*.

Родительская семья и кризис. Ответы юношей и девушек были примечательны тем, что, вынося негативные экономические тенденции за пределы родного города, они порой не отдают должного отчета в том, что происходит непосредственно у них в семье. Типичным было одно из следующих высказываний: *"... по моему мнению, кризис коснулся тех больше людей, у которых заработная плата была намного выше, чем у среднестатистических людей. С большим достатком. Урезали у них зарплату на 2 - 3 тысячи, сразу - такая паника: как так, недостаток такой! А те, кто на заводах, у меня мама тоже на заводе работает, и за свою маленькую зарплату... Как мы жили на такие же доходы, у нас ничего не изменилось".* Казалось, низкие доходы семьи в кризис должны рассматриваться как собственный большой минус. Однако сквозной мыслью через все фокус-группы проходила идея о том, что обязанностью родителей, особенно во время экономической нестабильности, является не просто поддержка подросших детей, а их успешное выведение во взрослую жизнь с обеспечением необходимых для нее атрибутов в виде высшего образования, работы, квартиры, машины и т.п. Не все из участников исследования торопились снять с плеч родителей хоть какой-то груз материальной ответственности о себе. Нередко приходилось слышать истории о том, как тяжело родителям справляться с выплатой кредитов или держать бизнес, но при этом юноши и девушки не собирались делиться с ними собственными заработками, в т.ч. отдавать их на оплату своего образования.

Изучение экономических взаимоотношений в семье стало одной из главных задач последовавшего за фокус-группами анкетного опроса, который прошёл в Казани и Ульяновске в октябре 2009 г. В нем приняла участие как учащаяся, так и работающая молодежь. Общий объем выборки составил 400 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Анкетирование учащейся молодежи проводилось в техникумах и вузах, при этом учитывался профиль учебного заведения: в выборке представлены студенты как технических, так и гуманитарных специальностей. Исследование остальной части молоде-

жи осуществлялось методом стандартизированного "face-to-face" интервью по месту жительства респондентов. Опрос подтвердил: случившийся кризис стал проблемой скорее для родителей, чем для самих юношей и девушек. Почти в 70% семей старшим членам пришлось столкнуться с увольнением, понижением в должности, задержками зарплаты и другими экономическими последствиями. В то время, как только 40% молодых ощутили их на себе, при этом с кризисом преимущественно столкнулись те, кто начал работать.

Родительская забота о детях в кризис. Родители стремятся обезопасить подрастающее поколение от неурядиц. Среди ульяновской молодежи 26% никак не почувствовали на себе навалившихся на их родителей трудностей, а из казанцев уйти от семейных проблем смогли 35%. Самым серьезным образом они повлияли на жизнь 30% опрошенных в Ульяновске и 20% - в Казани, которые были вынуждены от многого отказаться в связи с изменениями в материальном положении семьи. Остальным же пришлось начать немного экономить, т.к. родители сократили им карманные расходы. В первую очередь проблемы в семье заставляют сократить расходы, связанные с проведением свободного времени. Но сами ребята не очень-то сожалели на фокус-группах об отказе от частых посещений привычных мест досуга, быстро находя им приемлемую замену. Экономическая зависимость от родителей не связана полностью с собственными доходами юношей и девушек. От ухудшения дел в семье в равной мере пострадали как те, кто полностью живёт на средства родителей, так и те, кто совсем не получает от них денежной помощи. Для последних ущерб выражался в продаже родителями каких-либо общих материальных благ, скажем, машины, которой могли пользоваться их дети. К негативным последствиям они отнесли и отказ от получения совместных кредитов, где родители брали бы часть обязательств на себя, или в целом от реализации каких-либо общих планов. Молодые мамы и папы с сожалением говорили о том, что бабушки и дедушки не могут уделять столько времени, как раньше, их малышам, будучи занятыми поиском новой работы.

В целом молодежь в любом возрасте не считает зазорным брать деньги у родителей. В среднем около 23% респондентов полагают, что старшие должны оплачивать любые их расходы. Причем так думают не только подростки, но и уже вполне зрелые люди. Около 13% тех, кому уже исполнилось 18 лет, эгоцентрически смотрят на отношения с родителями, вменяя им в обязанность материальную заботу о себе. Еще 22% никогда не отказываются от денежной поддержки старших, но сами за ней не обращаются. А 37% делают это, но при определенных условиях. И только 18% не позволяют себе рассчитывать на попечение родителей. С возрастом доля последних неуклонно повышается, тем не менее даже среди 25 - 30-летних категорически против помощи родителей выступают меньше половины. К ней в той или иной форме прибегает 51% из этой возрастной группы. Более того, для 15% деньги родителей составляют основу бюджета. Преодолеть подобную зависимость молодые не могут, даже начав жить отдельно. Лишь треть из тех, кто переехал от родителей, не получает от них никакого денежного содействия. Молодежь привыкла смотреть на деньги родителей как на собственные, но своими заработками она дорожит. Они есть у 80% жителей Ульяновска и Казани, в том числе самых юных участников опроса. В среднем 64% тех, кому не исполнилось и 18 лет, имеют дополнительные источники дохода. Но делиться с родителями этими средствами никто не спешит. Полностью их отдает взрослым менее 5% опрошенных ребят, большинство же (40%) предпочитает тратить свои полученные деньги исключительно на себя. У оставшихся же нет четкой стратегии по этому вопросу, время от времени они возвращают часть денег родителям.

Фокус-группы выявили еще один аспект данной проблемы. Берясь за работу, юноши и девушки начинают активно покупать вещи для себя, заметно расширяя их ассортимент. Они полагают, что, перестав просить денег на одежду и обувь, а также на развлечения, они уже оказывают достаточную помощь своим родителям. Иногда такая

поддержка бывает действительно существенной: "... я стала покупать себе больше вещей, даже могу себе позволить сводить своих родителей в ресторан куда-нибудь и так далее. Я вот не знаю, как бы я жила до кризиса, если бы у меня была работа. До этого я просто не работала. То есть вот поэтому я его, как бы, не ощутила. До этого как-то жили, родители меня содержали нормально, сейчас с них свалился груз такой. То есть они за меня не платят в институте, я уже закончила, они меня не одевают, вот для них вот тоже как бы жить легче стало. У меня мама даже себе машину купила во время кризиса". Но чаще всего то, что выглядит для молодых значительным вкладом в семейные дела, оборачивается не очень уж большой экономией для их родственников. "Я почти не беру денег от родителей. Футболки, кроссовки себе покупаю сам, вот зарабатываю, хватает, чтобы с девушкой где-нибудь посидеть. Разве плохо?", - спрашивает 23-летний студент из Казани, для которого родители, проживающие в другом городе, снимают квартиру. Для тех, кто решил вести самостоятельную жизнь, подобное поведение характерно. 60% из них формируют свой бюджет как из собственных средств, так и из денег родителей. Но любопытно, что и треть тех, кто живет вместе с родителями и имеет личные доходы, тоже не вносит их в общий бюджет. При этом коммунальные платежи, покупка продуктов питания для всех членов семьи, включая их самих, по мнению молодежи, - это прямая забота взрослых.

Оценка материального положения молодежи. Такая семейная "бухгалтерия" серьезно запутывает оценки материального положения молодых. Как правило, при проведении массовых опросов оно приравнивается к уровню жизни семьи в целом. На самом же деле такого соответствия не существует. В среднем только четверть из тех, кто живет вместе с родителями, полагают, что их материальное положение одинаково. Около 40% самокритично находят, что оно хуже, чем у взрослых членов семьи, а 13%, наоборот, гордятся своим уровнем благосостояния, поскольку оно лучше, чем у родителей. К 25 - 30 годам эта тенденция роста материального положения молодежи проявляется особенно наглядно. Из тех, кто живет вместе с родителями, 36% считают его лучшим, чем в целом у всей семьи. А доля тех, у кого с доходами не заладилось, остается постоянной независимо от возраста.

Материалы данного исследования не позволяют более детально вникнуть во все особенности формирования материального положения юношей и девушек. Поэтому пока трудно делать вывод о наличии серьезных смещений в социальных статусах между различными поколениями. Опрос и фокус-группы показали, что разногласия в оценках материального благополучия объясняются не только уровнем зарплат и других денежных доходов. У молодых имеются собственные критерии удовлетворенности своего положения, тем более, что большинство только начинает самостоятельную экономическую жизнь и не имеет соответствующего опыта, который бы позволил судить более объективно. Одни остаются довольными той суммой, которой располагают, если могут купить себе "еду и всякие мелочи", другие относят такой уровень благосостояния к низкому. Любопытно, что сам факт необходимости обращаться к родителям за деньгами тоже интерпретировался по-разному. Для некоторых это становится серьезным ударом по самолюбию ("точно болж, прошу каждый день по двадцатке на маршрутку") и поводом для того, чтобы улучшить свое материальное положение. Другие же тщательно собирают деньги, полученные от родителей, родственников, а потом в случае острой необходимости "спонсируют" общесемейные покупки: "... у мамы летом не хватало денег заплатить мне за учебу... Я ей одолжила из тех, что копила себе на каникулы. Мне бабушка каждый раз, когда приходит, что-то да даст, потом тетя с дядей приезжали, отец на день рождение присылал, подружки скидывались, тоже я, как бы, отложила". Ситуации экстренной денежной помощи родителей выступают для молодых бесспорным доказательством их более высокого на данное время материального благосостояния.

Отмеченные расхождения связаны еще и с тем, что далеко не во всех семьях стремятся посвящать молодых в финансовые планы, касающиеся крупных покупок,

получения кредитов и т.п. В среднем почти в трети случаев родители совсем не рассказывают о том, куда собираются потратить деньги, или делают это крайне редко. В итоге полностью осведомленными о предстоящих расходах оказываются только 35% юношей и девушек. Причём, чем старше они, тем меньше у них желание вникать в намерения родителей. Треть из 25 - 30-летних настолько озабочена своими проблемами, что никогда не обсуждает финансовые дела других членов семьи. Больше всего любопытство проявляют подростки: лишь 11% бывают не в курсе будущих трат родителей, а почти 40% о них всегда знают. Самые младшие из участников опроса хорошо осведомлены и о зарплате родителей. Только 9% из них даже примерно не представляет, сколько получают их мамы и папы, в то время как 47% точно знает размеры их доходов. К 25 годам всего лишь 34% могут назвать точную зарплату родителей, а 30% сделать это затрудняются. Среди последних почти в равной степени представлены как те, кто живет вместе с родителями, так и те, кто от них уже переехал.

Доверие между детьми и родителями также зависит от уровня материального положения. Самыми открытыми являются семьи со средним достатком. В них, как правило, старшие часто обсуждают с детьми финансовые планы и не скрывают размеров своей зарплаты. Ребятам из бедных и, напротив, обеспеченных семей бывает нелегко судить о материальном положении родителей. Около 60% из них не знают о том, сколько получают взрослые, еще 40% не в курсе планов родителей относительно покупок, кредитов и т.п. Вызванные кризисом проблемы не способствовали вовлечению молодых в денежные дела семьи. В тех из них, где родителям пришлось тяжелее всего, в меньшей мере посвящают детей в вопросы, касающиеся доходов и расходов. Несомненно, в условиях резкого ухудшения материального положения сложно строить планы на будущее. Но молодежь в этой ситуации остается в стороне от решения проблем. Экономические трудности родителей не вынудили юношей и девушек активнее искать возможности для помощи родителям. Об устройстве на работу или о дополнительных заработках молодежь из семей, пострадавших от кризиса, задумывалась не чаще остальных сверстников. Так, поисками постоянной работы среди них занималось 19% против 17% среди тех, чьи родители избежали последствий спада, о возможностях дополнительных заработков интересовались 34% против 29%. Исключением являются ребята из самых бедных семей, но и они готовы в основном лишь к временным подработкам. При этом полученные деньги они используют в основном не для прямой помощи родителям, а для поддержания привычных способов проведения досуга в ситуациях, когда карманные деньги совсем кончаются.

Смысл денег и ценности молодежи. Кризис заставил молодежь задуматься о смысле денег. Многие из них решили жить по пословице: "Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым и больным", - к которой они еще добавляют и благополучие близких. Всего 19% рассчитывают в будущем добиться высокого материального состояния, в то же время 63% более достойной целью в жизни считают создание семьи, 40% - заботу о родственниках, а 32% - о собственном здоровье. 40% мечтают сделать карьеру и стать высококлассными специалистами в своем деле. В общей иерархии ценностей богатство занимает скромное десятое место.

На взгляд молодежи, экономический спад - подходящее время, чтобы заняться саморазвитием в любых его формах - от получения образования до духовного самосовершенствования. Некоторые думают, что причины кризиса заключаются *"...не столько в экономике, сколько в самом нашем менталитете, из-за того, что действительно сами люди ленятся, сами не хотят ничего делать!"*. Поэтому они дают следующий совет: *"Меняется ситуация вокруг тебя, и ты меняешься или остаешься"*. Вот только в характере этих изменений участники исследования разошлись. По выражению одних, с экономическими трудностями в нашу страну приходит *"время жилистых обезьян"*, которое должно помочь *"сильным остаться на плаву, слабые - уйдут"*. И чтобы соответствовать этому времени, необходимо стать активными и конкурентоспособными-

ми в любых сферах жизни, не только в профессиональной. Других такая позиция не устраивает, и за кризисом они видят "проверку на человеческие качества", рассуждая, что все "зависит еще от ценностей человека, от приоритетов. Для кого деньги важны, для того кризис и страшнее". Поэтому для них в кризис хорошо "заняться теми делами, которыми раньше заниматься не было возможности, так как появилось свободное время", например, записать диск своих песен, завести блог, прочитать книжные новинки или съездить в долгожданный отпуск. А вот открытие собственного дела не входит в число ближайших планов. Над этой перспективой задумываются меньше 10% молодежи. Особенно мало будущих бизнесменов в Ульяновске, где свой бизнес привлекает 6% юношей и девушек. Молодежь этого города больше других ориентирована на то, чтобы просто дождаться позитивных перемен в экономической ситуации, а тогда действовать. Свой город они воспринимают как промежуточную стартовую площадку, которая хорошо подходит для того, чтобы пережить спад спроса на рынках труда в крупных городах, а не для карьерного роста.

Перспективы жизненно-стилевого подхода к изучению молодежи в условиях кризиса.

Изложенное наводит на мысль, что изучение влияния глобальных катаклизмов на молодежь требует особого подхода. Как представляется, исследования жизненного пути и жизненно-стилевой подход к изучению молодежи представляются эпистемологически наиболее перспективными в ситуации экономического спада. С одной стороны, они учитывают разные аспекты социальных изменений, вне зависимости от их характера (экономического, культурного, символического) и позволяют включить в себя не только локальный, но и глобальные аспекты этих процессов. Одновременно с этим они являются сензитивными по отношению как к различным молодежным практикам и проявлениям в условиях кризиса, так и к стратегиям, которые предполагают разнонаправленность.

Теоретическими основаниями для развития стилового анализа молодежной повседневности стали идеи постмодернистской фрагментации, риска, глобализации и индивидуализации [Пилкингтон и др., 2004]. Анализ молодежной повседневности на основе понятия стиловой стратегии предполагает целостный взгляд на саму молодежную жизнь, в которой, вне зависимости от культурной или структурной сферы, реализуются некоторые общие, значимые для индивида или группы "императивы бытия". Понятие стратегии позволяет преодолеть ограничения стиливых конструкторов в контексте теорий субкультур и потребления. В этом подходе подчеркивается активный характер использования стиля жизни как нового социального ресурса, который помогает преодолеть ограничения наличных статусов (семейное происхождение, гендер, этничность, территория проживания). В понятии стратегии отражается характер принятия стиля жизни (рефлексивность, добровольность), а также гибкость и прозрачность стиливых границ, что оставляет возможность для его модификации или смены. С помощью данного подхода можно преодолеть унификацию и проблематизацию молодежи, поскольку он изначально строится на убеждении о наличии множественности современных стилей жизни и вариативности формирования индивидуальных и групповых стратегий их реализации.

Заключение. Молодые не испытывают паники по поводу кризиса. Они легче, чем их родители, относятся к потере работы, уменьшению зарплаты и необходимости платить по кредитам. Экономические соображения, особенно для тех, у кого пока нет собственной семьи, не являются основополагающими. Тем более что самостоятельность даже работающей молодежи является весьма условной. Материальная помощь родителей служит для юношей и девушек главным подспорьем. Но формы ее оказания заметно разнятся в зависимости от возраста и уровня достатка. К 25 - 30 годам молодые не перестают получать от родителей финансовые средства или другие блага, но их меньше заботит положение родителей, о котором они часто не знают. Сами родители стремятся обезопасить молодежь от экономических трудностей, с которыми они столкнулись. Чем более тяжелые последствия приходится переживать семье, тем меньше родители посвящают детей в свои проблемы. В свою очередь, это приводит к

недооценке молодежью реальной ситуации, в которой оказалась их семья, и возможностей родителей справиться с ней. В отличие от спада 1990-х годов, который привел к повышению значимости богатства для молодых, текущий кризис, наоборот, снизил его приоритет. Молодежь стремится совладать с его последствиями не для того, чтобы сохранить уровень достатка как таковой, а чтобы удержать свои потребительские стандарты. Для этого стратегия экономии и реструктурирования своих расходов кажется им более выигрышной, чем поиск работы или дополнительных источников доходов. Даже бедственное положение родителей не мотивирует многих юношей и девушек активнее искать возможности для помощи семье. Сама по себе экономия представляется им существенной поддержкой взрослых.

Жизненно-стилевой подход позволяет определить те детерминанты повседневности, которые складываются и становятся значимыми в рамках биографического проекта и личностных предпочтений. А это, в свою очередь, помогает оценить силу влияния новых внешних обстоятельств, которые могут восприниматься очень индивидуально, и вследствие этого, производить непредсказуемый эффект. Как, например, влияние финансового кризиса на молодежь. Сложившиеся стилевые структуры трудового или образовательного поведения, потребительских предпочтений, отношения с родителями, участия в общественных активностях оказывают значительное влияние на то, каким образом вписываются обстоятельства финансового кризиса в жизнь молодых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алябьева Л.* Теория обмена, или поносил сам - передай другому // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2009. N 12.
- Брусянина М. А.* Институциональные ограничения, приводящие к росту молодежной безработицы // Управление общественными и экономическими системами. 2009. N 2.
- Дементьева К., Алёшкина Т.* Кризис вкладчиков среднего возраста // Коммерсантъ. 2009. N 85 (4140). 15 мая.
- Демидов А. М.* Кризис в головах // Независимая газета. 2009. 20 января. (Приложение "НГ-политика").
- Динамика кризисных настроений молодежи. 17.02.2009. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/kr09mol>. Дата доступа: 24.01.2012.
- Жарова Е. Н.* "Индивидуализм - коллективизм" в ценностных ориентациях студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2009. N 2.
- Молодежь 18 - 25 лет: портрет на фоне лета-2009. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d29molod.pdf>. Дата доступа: 24.01.2012.
- Омельченко Е.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. N 1. Т. 3.
- Омельченко Е. Л.* Поколение Text: новые имена молодежной культуры // Рекламные идеи. 2008. N2.
- Омельченко Е. Л.* Стилиевые стратегии занятости и их тендерные особенности // Социол. исслед. 2002. N11.
- Петухов В. В.* Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. 2010. N 1.
- Пилкингтон Х., Омельченко Е., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е.* Глядя на Запад / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейя, 2004.
- Поколение XXI века: опыт социологического исследования. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/pressrpz90708>. Дата доступа: 24.01.2012.
- Шилова Л. С., Магун В. С.* Связь притязаний и жизненных стратегий с отношением юношей и девушек к реформам в обществе // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи 1985 - 1995. Сборник. М.: Институт социологии РАН, 1998.